

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(470)''1914/1918''

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СУМБУР НАШИХ ДНЕЙ О
КНИГЕ Е.Ю. СЕМЕНОВОЙ «РОССИЙСКИЙ ГОРОД В ГО-
ДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПО-
ВОЛЖЬЯ)»: МОНОГРАФИЯ. САМАРА: САМАР. ГОС. ТЕХ.
УН-Т, 2016. 198 С.**

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории
г. Москва, Россия

В статье на конкретном примере раскрываются некоторые характерные слабости и недостатки современной российской историографии. В их числе теоретическая и методологическая беспомощность, историографический и источниковедческий непрофессионализм и попытки имитировать «научность» с помощью «новейшей» терминологии. Все это сказалось на подходе к «модной» тематике – истории повседневности в годы Первой мировой войны. Показано, как при этом простейшие локальные сюжеты выдаются за некие общероссийские тенденции, а бытовые коллизии – за некие генерализации. В целом «провинциальная» история порой излагается без учета ключевых общероссийских явлений

Ключевые слова: *Первая мировая война, российская революция, историография, источниковедение, Поволжье, городское население, история повседневности.*

С некоторых пор коллеги стали присылать мне свои книги. Среди них двухсотстраничный труд доктора исторических наук, профессора Самарского государственного технического университета Е.Ю. Семеновой. Эта работа заслуживает особого внимания. Читая её, невольно задумываешься: что же происходит *внутри* нашей исторической науки?

О том, что положение здесь далеко не благополучно, известно всем. Кажется, уже никого не смущает, что иные диссертации и книги пишутся заказчику «под ключ». А уже остепенённые авторы начинают заниматься не наукой, а рейтинговыми показателями методом клонирования собственных текстов и «самоцитирования». На таком фоне работа Е. Ю. Семеновой – не худший вариант. Она «пишет, как мо-

жет», разумеется, оглядываясь на некие «образцы». Но за всем этим просматривается нечто большее, нежели персональные упущения и прорехи. Вот об этом и пойдёт речь.

В лице Е. Ю. Семеновой мы имеем дело с весьма плодовитым автором. В каталоге Российской государственной библиотеки значится 10 её книг (не считая четырёх авторефератов и текстов диссертаций)¹. И хотя она отмечает, что «основное содержание работы является обобщение статей (здесь и далее точное воспроизведение авторского текста. – В. Б.), подготовленных при финансовой поддержке РГНФ²...» (с. 27), данная книга определённо содержит кое-какую новую информацию.

Семенова выразила мне признательность за «вниманием» к её работам. Действительно, я не раз ссылался на приводимый в её книгах

конкретный материал (документы местных архивов, провинциальная периодика). И использовал его, должен признаться, как полуфабрикат для собственных работ. Остальное не замечалось – ситуация обычная. Сказывалась также презумпция профессионализма: если автор столь плодовит по части фактографии, то рано или поздно сумеет обобщить, осмыслить и переосмыслить конкретный материал. Наивное заблуждение!

В недавнем прошлом большинство историков двигалось по проторенной «телеологической» колее. Многим не удаётся выбиться из неё до сих пор, несмотря на демонстративное недовольство работами «историков-марксистов». В результате *вся* «социологизирующая» историография – и «буржуазная», и её мнимый антипод – вступила в полосу кризиса, связанного с утратой онтологической взаимосвязи прошлого и настоящего. В сущности, потерпели крах все былые прогрессистские миропредставления. Историография добровольно отказалась от роли «учительницы жизни» – отсюда пресловутый постмодерн. А его российская разновидность порой оборачивается самонадеянным верхоглядством.

На этом фоне возник своего рода фактографический максимализм, оборотной стороной которого стала методологическая индифферентность. У некоторых авторов сложилось убеждение, что достаточно вывалить к ногам Клио гору конкретного материала, и сообщество историков прослезится от умиления. Именно так пишется большинство диссертаций, под которые (иной раз

¹ Семенова Е. Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 – нач. 1918 гг.): уч. пособие, 2-е изд. Самара, 2004; *Её же*. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007; *Её же*. Ментальность городского населения России второй половины XIX века: в контексте восприятия современников. Самара, 2010; *Её же*. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.): сб. документов и материалов. Самара, 2011; *ее же*. Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

² Российский гуманитарный научный фонд (далее: РГНФ).

«один к одному») штампуются «монографии».

Похоже, появилась целая генерация историков, полагающих, что сама по себе демонстрация «впечатляющих» документальных материалов является решением некоей исследовательской задачи. Этому способствует мода на локально ограниченные истории повседневности, обыденности и т. п. – этих якобы самостоятельных дисциплин, отпочковавшихся от социальной истории.

В советское время историки выписывали «закономерность» хода событий на местах по столичному лекалу. Сейчас провинциальная повседневность излагается порой так, словно местное население, подобно жителям неведомой планеты, не знало, что творится за её пределами. Случалось, конечно, и такое. Но в какой степени?

Подобному историографическому поветрию способствовала «визуализация» прошлого, навязанная *mass media*. История из дисциплины *онтологического* уровня стала превращаться в предмет досужего любопытства. Именно таким настроением отмечена вся работа Е. Ю. Семеновой.

Вызывает недоумение уже введение. Из довольно обширной историографической его части может показаться, что рассматриваемая автором тематика уже расписана вдоль и поперёк, правда, непонятно с какой целью. При этом значительную часть перечисляемых работ составляют авторефераты диссертаций (более 40!), а опубликованные теми же авторами монографии игнорируются. При этом «столичная» историография почему-то «не замечает-

ся». Зарубежная – тем более. Так, совершенно забытой оказалась книга С. Бэдкок, посвящённая ситуации в Казани и Нижнем Новгороде³, тематически непосредственно связанная с изысканиями Семеновой.

Как такое получилось? Всё просто: если в интернете выставлены авторефераты и диссертации, если по ключевым словам легко отыскать интересующее, то зачем утруждать себя чтением массивных монографических исследований? В результате наиболее цитируемыми оказываются авторы, бойко копирующие собственные тексты в малоизвестных (но «ваковских»!) журналах. Получается, что уровень научных достижений замеряется по количеству, а не по качеству – весьма характерное для наших дней явление.

В общем, вместо анализа историографии проблемы (тыловой город в годы Первой мировой войны) Семенова вываливает на читателя случайную массу публикаций, так или иначе относящихся к данному периоду. Получается неполная и сумбурная библиографическая справка, а не анализ движения исторической мысли. При этом хаотичность подачи материала вызывает изумление.

Взять, к примеру, такую фразу: «Конечная [хронологическая] граница» [осень 1917 г.] «определяется формированием очагов Гражданской войны, установлением крайней политизации информационной среды (окончательным переломом в информационном поле от проблем вой-

³ *Badcock S. Politics and the Peoples in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007.*

ны к политическим процессам), принятием большевиками «Декрета о мире», что вовлекло города Поволжья в существенно иную среду в ключе информационного поля, поведенческих практик, содержания досуговой сферы, формирования структур занятости городского населения» (с. 27, воспроизведено с точностью до запятой). О таком говорят: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Территориальные рамки исследования Семеновой «определены следующими обстоятельствами»: «Города Поволжья объединяло расположение на территории тылового района страны... Губернии... были производящими, что определяло схожесть в основах формирования исходной базы обеспечения продовольственным ресурсом» (с. 27). Убедительно?

Вообще-то в книге представлены только *средневожские* губернии. Между тем, *верхневожские* губернии (которые Семеновой почему-то игнорируются) были по преимуществу потребляющими. Проблема продовольственного снабжения населения стояла там острее.

Пытаясь «приподнять» локальный сюжет до общероссийского обобщения, автор торопливо упоминает исследования, тематически достаточно отдалённые от Поволжья. И тут из однообразного её текста вдруг «выскакивают» «интригующие» пассажи. К примеру, сообщается, что Н. В. Суржикова «проанализировала и раскрыла явление плена посредством социальных и индивидуальных практик, что позволило представить плен в качестве комплексной составляющей жизни российской провинции военно-революционной эпохи; выявила

факторы, влиявшие на перемещение военнопленных в пределах Среднего Урала» (с. 9). Зачем это, если в книге самой Семеновой о военнопленных практически ничего не говорится? И причём здесь Средний Урал?

Кстати, упоминаемая Суржикова замахнулась на ещё более высокий уровень генерализации. В своей выпендренной и неуместно претенциозной по стилю монографии⁴ она тужится превратить картину бытования локальной массы военнопленных в некое экзистенциальное обобщение глобального масштаба. Похоже, что Семенова готова следовать за ней. Сомнительно, однако, что привлечённый ею материал позволяет это сделать. Всякий историк вольно или невольно идёт от частного к общему. Но стоит ли при этом торопливо и самонадеянно «бегать» по темам и сюжетам?

Попутно стоит заметить, что в годы Первой мировой войны изменение соотношения коренного и пришлого населения российских городов постепенно вылилось в общероссийскую проблему. Поэтому следовало бы заняться изучением всей массы «мигрантов» – прежде всего солдат непомерно раздутых тыловых гарнизонов. Однако современные соискатели учёных степеней предпочитают бесконечное сюжетное дробление. Сей феномен прогрессирует: стоит успешно защититься какому-нибудь автору в одном регионе, как в других тут же разворачивается работа в «проверенном» направлении. При этом

⁴ Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914 – 1922 гг.). М., 2014.

границы исследований сжимаются подобно шагреновой коже. Понятно, что такая «прецедентная» историография все дальше уводит от решения масштабных научных проблем. Что касается Семеновой, то она словно мечется между ними. К примеру, как оценить такое заявление: «Пребывание в городе тыловых гарнизонов в советский период отечественной историографии исследовалось в контексте их численного состава, а в современной историографии была разработана проблема выступлений тыловых гарнизонов против призыва на фронт в 1917 г., в ходе которых человек с ружьем стал в регионах основой анархии» (с. 11). Кроме этого сбивчивого заявления о солдатах в книге почти ничего не говорится.

Вообще-то в работах историков, о которых походя упоминает Семенова, уже говорилось о той громадной роли, которую сыграли солдаты в развитии событий на местах. При этом особое внимание обращалось не на «анархию» (обывательский термин столетней давности вряд ли стоит возводить в некий концепт), а на эскалацию солдатского бунтарства, позволившего большевикам легко перехватить власть и у умеренных социалистов, и у офицерства, объявленного «контрреволюционным».

Мне постоянно приходится объяснять, что историков выделяет (точнее должно выделять) в массе обществоведов умение правильно «прочитать» документ прошлого – продукт несколько иной культуры и психоментальности, а затем выстроить иерархию источников применительно к решению конкретных исследовательских проблем. Увы,

современные авторы обычно видят свою задачу в том, чтобы показать «что, где лежит», используя при этом то, что под руку подвернется. Семенова не составляет исключения. К примеру, газеты отбираются ею по непонятному принципу (скорее всего, случайно), содержащаяся в них информация критически не оценивается. Налицо суетливая погоня за неопубликованными материалами и игнорирование опубликованных. Нужно ли напоминать, что историку приличествует *анализировать* источники соответственно принципам герменевтики, а не бездумно «скакать» по ним?

Вероятно, не случайно собственно исследовательские задачи Семенова так и не сформулировала. Нельзя же всерьёз воспринимать заявление о том, что в её работе «представлен анализ проблемы идентификации и взаимодействия жителей тылового города, выявление аспектов городской инфраструктуры и их трансформации в условиях войны, изучение специфики информационного поля в военную эпоху, анализ тылового быта горожан на основе поведенческих практик, изучение характерного для городского населения досуга» (с. 26–27). К чему такой огород городить? Чтобы заболтать реальные проблемы?

Характерно, что Семенова особое внимание уделяет «понятиям» и «категориям». Явление, увы, весьма распространённое – таков ещё один способ имитации «учёности», что обычно оборачивается втискиванием реального исторического процесса в умозрительные смысловые рамки. Такое у нас уже практикова-

лось. При этом Семенова уверяет, что «изучение города любого исторического периода ставит перед исследователем задачу терминологического экскурса, поскольку использованный автором понятийный аппарат может быть рассмотрен с точки зрения различных подходов и трактовок» (с. 20). Убедительно? Впрочем, «экскурс» сводится к простому перечислению различных точек зрения с тем, чтобы выбрать наиболее понравившуюся (с. 20–21).

Любителей затевать игры с абстракциями становится всё больше. Отсюда такие, например, «теоретические» заявления: «Учитывая применение количественного анализа и сопоставление с данными других источников, вполне репрезентативными являются *анонимные и именные жалобы и доносы* горожан... Они содержат данные о ценах на товары, жильё, о размере доходов населения, отражают критический ракурс восприятия современниками действительности» (с. 25 – 26). Читатель, попробуй уследить за подобным «дискурсом»!

В русскоязычных «научных» текстах – и в советском прошлом, и в постсоветском настоящем – всякое случалось. Порой слова словно отлетали от смыслов, как душа от тела. В марксистской (а затем и в антимарксистской) литературе затасканные понятия упорно навязывали событиям чуждую им «неживую» логику. У Семеновой несколько иначе: «термины» и «понятия» как бы перемешиваются с реалиями. В результате банальности повседневной истории преподносятся как некие уникальные и многозначительные явления. А для особо непонятливых авторские «генерализации» выделяются

то курсивом, то подчеркиванием, а то их сочетаниями. Приводимые ниже пассажи, естественно, воспроизводятся во всём их литературном своеобразии.

Вызывает недоумение даже формулировки глав и параграфов. Так, глава 1 названа «Житель тылового города в годы войны: проблемы идентификации и взаимодействия». Оказывается, что в данном случае имеется в виду «трансформация социального и этноконфессионального портрета городского населения Поволжья в Первую мировую войну», а также «постоянное и временное население в провинциальном городе: фактор беженцев». Хочется спросить, что, собственно, исследуется: «портрет», нарисованный непонятно чьим воображением, или реалии? Возникает и другой вопрос: почему рассматриваются взаимоотношения *только* с беженцами? Были в Среднем Поволжье и другие мигранты – от рабочих до профессуры.

Вообще-то идентификационные процессы всегда многомерны, а в критических обстоятельствах они приобретают внутренне болезненный характер. Ничего этого нет, показаны лишь изменения численности населения и процесс усложнения его этноконфессионального состава. Что касается «отношения населения к военнопленным и беженцам», то оно иллюстрируется с помощью таблиц, построенных по принципу: «с одной стороны..., с другой стороны...» (с. 39 – 40). А что в сухом остатке?

Между прочим, к настоящему времени в литературе уже поставлена *транслокальная* проблема *вынужденных мигрантов*, т. е. и бе-

женцев, и военнопленных⁵, и депортированных⁶. Спрашивается, почему одни провинциальные авторы отдают предпочтение беженцам, другие – военнопленным, опираясь только на документы, характеризующие их *конечное* местопребывание? Почему Семенова лишь вскользь упомянула единственную статью А. Н. Курцева, поднявшего проблему беженства ещё в 1990-е гг.⁷? Почему игнорируется английский исследователь П. Гэтрелл, также известный содержательными работами по данной проблематике⁸?

Не секрет, что всякое «вхождение в науку» сопровождается соблюдением ряда условностей. В их числе – «профессиональный» язык. Вероятно, в связи с этим в книге Семеновой можно натолкнуться на такую «сложную конструкцию»: «В условиях тылового города взаимодействие горожан с беженцами складывалось в сферах обыденных житейских ситуаций...» под влия-

нием «многоаспектных факторов», в результате чего «актуализировались вопросы самоидентификации горожан» (с. 55 – 57).

Понятно, что профессорам приходится изъясняться «научно». Видимо, поэтому глава 2 книги «Городское пространство: аспекты городской инфраструктуры...» открывается следующим «методологическим» поучением: «В ключе средового подхода к характеристике города, а также с точки зрения пространственно-социологической концепции можно выделить категорию “городское пространство”» (с. 61). Здесь требуется пояснение: некоторые авторы считают, что всеупоминаемое слово «пространство» – неременный атрибут современного глубокомыслия. Отсюда тавтология, напоминающая исполнение таинственных мантр.

На деле в этой главе автор ограничивается лишь такими сюжетами: «работой городских коммуникаций и хозяйственных служб», «деятельностью работников некоторых городских служб», а также проблемой «земли в структуре городского пространства российской провинции...». Получается, что городское пространство можно сузить до инфраструктуры, а инфраструктуру – до «некоторых» городских служб и вопросов землевладения. При этом Семенову почему-то особенно привлекает «проблема ассенизации и канализации» (с. 65–75). Слов нет, проблема была (и даже остаётся). Но стоит ли глубокомысленно сообщать, что «серьёзным шагом для городского бюджета стала реализация идеи о расширении

⁵ Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. М., 2014.

⁶ Нелипович С. Г. Источники по истории немецких колонистов в России в годы Первой мировой войны (обзор документов Российского военно-исторического архива) // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. July. No. 3.

⁷ Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8.

⁸ Gatrell P. Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

городского ассенизационного об-
за» (с. 69)?

Иной раз «научнообразность» сочетается у Семеновой с «красивостью». Название главы 3 звучит так: «Обыватель в городской среде информационного поля». При этом автор исследует не просто слухи, а «**категорию** слухи». В информационном пространстве, стало быть, циркулировали ни много, ни мало – «категории»!

Кстати, о слухах военного времени, в том числе провинциальных, было уже написано предостаточно работ помимо тех, на которые ссылается Семенова (с. 101). Было отмечено, что дефицит достоверной официальной информации заставлял обывателей уходить в сферу фантазий (чаще пугающих)⁹. А потому в данной работе стоило бы сравнить слухи столичные со слухами провинциальными, проследив за скоростью распространения информации и уровнем ее деформации «сарафанным радио». То же самое следовало бы сделать с «сатирическими материалами» местных газет, показав степень их оригинальности на фоне столичной прессы.

Весьма мудрено звучит и название другого раздела: «Жалобы и доносы граждан как средство коммуникации». Впрочем, здесь Семенова ограничивается одними анонимками (хотя во власть писали не только лица, пожелавшие остаться

неизвестными), превратив сей распространённый в России эпистолярный жанр в очередную «кате-
горию». При этом оказывается, что «анонимные письма, адресованные представителям власти, отразили многоплановую картину жизни тылового города...» (с. 126). А может, анонимки отражали прежде всего рост социального нетерпения и нетерпимости? А «коммуницируют» люди обычно по горизонтали.

Итак, слова расходятся с понятиями, понятия – со смыслами. Итог – нагромождение несовместимостей. В главе 4 автор берётся исследовать «тыловой быт городского населения через призму поведенческих практик». Раньше считалось, что особенности быта порождают соответствующие адаптационные приёмы. Теперь можно перевернуть всё с ног на голову. И вот выясняется, что такой «быт» включает в себя «проявление патриотических настроений...», «социальные и индивидуальные практики жителей... в контексте “продовольственного вопроса”», а также «влияние войны на частную жизнь».

Попутно стоит заметить, что с некоторых пор словечко «практики» (калька с английского) стало подменять у некоторых отечественных авторов всё многообразие деятельности и поведения человека. Строго говоря, этот термин корректен лишь в контексте бихевиористских представлений: в спокойные времена *западный* человек действует достаточно рационально – «практично». Сомнительно, однако, что такой подход уместен при анализе экстремальных событий в России более чем столетней давности.

⁹ Напр. см.: Аксенов В. Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005; *Его же*. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.

Стоит особо остановиться на «патриотических настроениях». В современной историографии – как западной¹⁰, так и российской¹¹ – на сей феномен смотрят довольно скептически. Уместнее говорить скорее об энтузиазме патриотичных мифотворцев¹², нежели о естественном порыве масс. В начале войны имел место (не только в России) феномен «панического патриотизма». Однако Семенова ставит в один ряд проявления «ритуального» (приветственные обращения к власти, манифестации, молебны и т. п.) и «подросткового патриотизма» (побеги гимназистов на фронт). При этом обывательское стукачество под видом «патриотической» бдительности смешивается с искренними народными чувствами (с. 132 – 134). Более того, оказывается, что и в 1917 г. «патриотизма» было в

избытке. Доказательство – так называемые оборонческие резолюции солдат (с. 136) и тексты таких «авторитетных» газет, как «Голос нижегородца» и «Сурский листок» (с. 135). Но как сопоставить все это с таким авторским заключением: «В сатирических материалах высмеивались новые тенденции общественно-политической жизни в условиях весны – осени 1917 г.: сохранение старых проблем при новой власти, индифферентное отношение к власти, сложившееся к осени 1917 г.» (с. 118). Это тоже из области патриотических эмоций?

Вообще-то газетная сатира, как и слухи, составила особый *метанарратив* революционной повседневности – своего рода хронику «заранее объявленного» переворота. Что касается Семеновой, то она этого не замечает, пытаясь классифицировать слухи «**по оптимистичности информации, формирующий определенный настрой общества**» (с. 105, выделено в тексте).

Слухи военного времени никак не могли быть устойчиво оптимистичными. Тогдашние эмоции словно разрывались между надеждой и страхом. Последнего становилось все больше. Так, 23 июля 1914 г. одна экзальтированная особа из верхов общества отмечала в дневнике «взрыв национального чувства», «сплоченность всех партий», выражала уверенность, что война «обновит матушку-Русь, очистит ее от вредных влияний и сделает великой!». Однако уже 3 ноября она признавалась, что после рассказов о нравах в русской армии и об «изнанке» войны её «восторженность, весь энтузиазм первых дней

¹⁰ Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Watson A. Enduring the Great War. Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914–1918. Cambridge (MA), 2008; Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

¹¹ Тропов И. А. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. СПб., 1999; Борищук Е. Д. Эволюция патриотических настроений в России в годы Первой мировой войны (на материалах Петрограда). СПб., 2013.

¹² Венков А. В. Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014.

ушел куда-то бесследно»¹³. В декабре 1914 г. в одном из перлюстрированных писем из Харькова было заявлено: «... шовинизм и панславизм, которых можно было опасаться и которые появились в самом начале военных действий, не выдержали быстро стгутившейся атмосферы и лопнули, не успев раздуться»¹⁴. В другом письме в мае 1916 г. один московский интеллигент выражался так: «Как стыдно называться русским после всего того, что у нас делается внутри!.. Власть в руках сволочи, продающей родину оптом и в розницу»¹⁵.

Революция выростала из тотальной общественной нетерпимости. Однако в книге Семеновой представлено нечто иное. И была ли вообще революция в провинции? В давно опубликованных дневниках наблюдателей военно-революционного времени (но проигнорированных Семеновой) можно прочесть и такое: «Даже такая болотная лужа не отстает от остальной России, охваченной безумством анархии, произволом»¹⁶. Автор имел в виду Симбирск, но подобных свидетельств, относящихся к Поволжью, Семенова не замечает.

Впрочем, в разделе «Социальные и индивидуальные поведенческие практики жителей поволжского

города в контексте “продовольственного вопроса”» всё же приводится обширный материал, свидетельствующий о том, что рядовые российские «патриоты» начали бунтовать задолго до 1917 г. (с. 154–157). Довольно любопытные сведения содержатся и в разделе «Влияние войны на частную жизнь тылового населения». Однако и здесь не обошлось без демонстрации «учености». Так, Семенова сообщает: «Понятие “частная жизнь” не имеет единой трактовки. Согласимся с мнением Н. П. Лепешкиной, отметившей, что предложенный И. Л. Петрухиной... подход позволяет раскрыть данный термин как целостный социальный феномен...» (с. 159). Где реалии, где термины, где смыслы? И где своя точка зрения?

Известно, что иной раз за академической «политкорректностью» скрывается отсутствие своей позиции. Заодно открывается возможность замаскировать персональные исследовательские слабости. А потому Семенова продолжает «огород городить».

«Медико-физиологическую сферу частной жизни человека составляют психические отклонения, расстройства различного происхождения, – утверждает она. – Полагаем, что к такому проявлению можно отнести “шпиономанию”, выражавшуюся в тенденции воспринимать любое непонятное или непривычное явление, событие как подозрительное, враждебное, а связанных с ними лиц – как вражеских шпионов» (с. 166, ссылка на собственную статью). И как в этой связи понимать такое авторское заключение: «... частная жизнь человека в сфере интимных отношений в годы войны вызвала

¹³ Научно-исследовательский отдел рукописных фондов Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 012. Карт. 1. Д. 6. Л. 13 об., 14; Д. 7. Л. 7.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 20.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 165. Карт. 1. Д. Л. 4.

¹⁶ *Жиркевич А.* Потревоженные тени... Симбирский дневник. М., 2007. С. 299.

пристальное внимание общества и охранительных структур власти, стала сопоставляться с понятием патриотизма и непатриотичным поведением» (с. 165)? Комментарии, как говорится, излишни.

Последняя глава 5 названа «Досуг граждан: сферы, содержание, досуговые практики» и включает в себя анализ «театрального репертуара драматических трупп...», статистику «посещения кинотеатров», а также «экспозиционные программы». Вообще-то в годы войны (как и в мирное время) горожане проводили досуг не только в театрах, кино и на вернисажах. Работали всевозможные притоны, процветала карточная игра и т. д. и т. п. В общем картина была не столь вдохновляющая, что давно описано историками.

Книга Семеновой удивительно неряшлива в стилистическом отношении. Встречается, к примеру, такое: «Изменения, происходившие в... городской инфраструктуре, следует характеризовать как противоречивые, меняющие визуальный облик города и ряд возможностей горожан» (с. 98). Или такой перл: «Следует учитывать **обоснованность слухов на базе природы их возникновения**» (с. 102). Кстати, в своё время отношение к слухам у людей образованных всё же оставалось скептическим. Так, в августе 1914 г. из Одессы сообщали, что слухи распространяют «глупые бабы, неспособные разобраться в том, что творят», а делается это «под дирижерскую палочку дельцов-

комбинаторов»¹⁷. «Слухи, какие у вас гуляют, – невероятная чушь»¹⁸, – писали, к примеру, москвичи в ноябре 1914 г. Разумеется, историку полагается анализировать и «чушь».

Природа слухов неплохо изучена. Теоретически они призваны выполнять роль медиума, поддерживающего в сбалансированном состоянии «коммуникативный разум». Но это в идеальном случае, в граждански отформатированном «спокойном» (но не застойном) обществе. В случае сбоя работы авторитарной системы и деморализации социального пространства слухи превращаются в стимулятор деструктивных процессов. Ещё до 1917 г. охранное ведомство отмечало, что именно слухи создавали «необходимую для революции атмосферу»; при этом громадную антиправительственную работу проделали нелепые и пошлые сплетни, с помощью которых «все упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным»¹⁹. Провинциальные жандармы по понятным причинам воздерживались от тревожных заявлений. Однако для историка случаи характерного умолчания – тоже «источник». Слухи всегда «обоснованы» – они довольно точно сигнализируют о желаемом и ожидаемом, естественно, в соответствии с уровнем архаизации массового сознания. Поэтому некоторые современники относились к слухам философски. «Слухи – те же

¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1242.

¹⁸ Там же. Д. 979. Л. 69.

¹⁹ *Спиродович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 123.

фугасы и мины на море житейском, – сообщал корреспондент из Москвы в конце октября 1914 г. – Грустно, что слухи улавливаются, но не вылавливаются, как мины»²⁰. Об этом следовало бы помнить современным историкам.

Как известно, советская историография уделяла первостепенное внимание рабочему движению. Выказывается по этому поводу и Семенова: «... практика рабочих по организации забастовок и участию в них на фоне дороговизны также подкреплялась проблемой неравенства в оплате труда на данном, где проходила забастовка, и иных предприятиях» (с. 145). Вероятно, это следует понимать так: у рабочих было предостаточно поводов для нарастающего недовольства, отнюдь не способствовавшего подъему патриотизма. Но было и другое. Так, в августе 1915 г. Н. С. Чхеидзе сообщали: «Мы, сознательные рабочие Армавира, собравшись в количестве 28 человек... пришли к следующему: всякая война, а особенно настоящая, является результатом капиталистического империализма и ведется в интересах кучки эксплуататоров... Мы никого не хотим угнетать... Мы протестуем против массовых избиений рабочих, имевших место в Костроме и Иваново-Вознесенске»²¹. Конечно, в данном случае не обошлось без «подсказок» левых политиков. Однако Семенова о подобных проявлениях рабочего протеста словно не ведает. Оказывается, к примеру, что

«выдвигаемые рабочими и служащими в годы войны требования о повышении заработка были закономерны и оправданы действительным ростом и удорожанием жизни» (с. 147). Не отставало от пролетариев и городское мещанство: «... обыватели предлагали дискредитировать и саботировать спекулянтов» (с. 153), а для борьбы с ними «общество было готово прибегнуть к погромам и поджогам» (с. 154). Та же мысль подтверждается ещё одной фразой: «Идеи о необходимости наказать спекулянтов-торговцев привели в некоторых городах Поволжья к деструктивным практикам – **обыскам и погромам торговых заведений**» (с. 156).

Должен признать, что приводимые примеры беллетристически-научных изысков выбраны мною произвольно и отнюдь не с целью уязвить автора. Автор в известном смысле стала жертвой нынешней историографической конъюнктуры. За всеми очевидными нелепостями её книги скрываются определённые «научные» тенденции. Вот о них-то и стоит, наконец, задуматься.

Семенова подходит к написанию своих текстов, исходя из соображений престижа. Поскольку она профессор, то ей впору не просто обобщать, но и поучать (не только студентов!), как следует писать научные труды. Отсюда особый – назидательно-поучительный – тон. И потому отдельные разделы книги выдержаны не в монографической, а в торопливой, вербально неряшливой, но уверенной лекционной стилистике.

Увы, над данными текстами можно до бесконечности иронизировать. Однако всё это было бы

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1747 об.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 10.

смешно, если бы не было столь печально. Как такое стало возможно, как мы дошли до такого «историографического» состояния?

Позволю себе раскрыть механизм нашего грехопадения, хотя, в общем, это секрет Полишинеля. Университетская профессура до такой степени загружена лекциями и семинарами, что заниматься «наукой» не хватает ни сил, ни средств. О зарплатах и говорить не приходится. Надо «остепеняться». В результате появляются тексты, подогнанные под некий формальный ритуал, не претендующие на новизну, а всего лишь «углубляющие» уже сложившиеся или «модные» направления.

При этом от авторов постоянно требуют научных публикаций и рейтингов. Результат – вал никому не нужных статей в «ваковских» журналах. Отсюда и бесконечные ссылки друг на друга, и соответствующая поддержка в получении грантов. Образуется круговорот, затягивающий нормальных ученых.

Современные авторы постоянно повторяют и пародируют друг друга. Особенно это касается терминологии. Так, к примеру, *образ* «Красной смуты», к которому я некогда прибег в своей книге, был десятки раз воспроизведён в книгах и статьях в качестве некоего «концепта». Мне уже не раз приходилось говорить о том, что в российском культурном пространстве эмоции плодят образы, образы – понятия, наконец, понятия – «теории», не имеющие отношения к реалиям. Другую отличительную черту составляет обилие лишних («учёных») слов – таково неизбежное следствие

поспешных имитационных потуг. Всё это напоминает некую ярмарку симулякров, псевдоморфоз, попросту говоря, – химер «учёного» воображения.

В связи с этим Семеновой остаётся только посочувствовать. Она искренне и наивно пишет в соответствии с историографической «модой». Требуется монография – получите. Назови она свой труд очерками, претензий было бы меньше. Однако ей кажется, что можно грузить историографическое пространство чем угодно, лишь бы это смотрелось внушительно. И это делается с молчаливого согласия, если не одобрения, «учёных» коллег. Вот об этом и стоило бы задуматься.

Что же происходит в исторической науке, если выходят такие (во все не самые бессодержательные) работы? Почему простые, давно известные явления описываются с претенциозной наукообразной корявостью? Или исследователь бьётся над сложнейшей проблемой, для описания которой ему привычного языка не хватает? На деле мы имеем дело с торопливой и неупорядоченной «учёной» скороговоркой. А потому так и хочется вспомнить Лао Цзы: «Мудрецы никогда не бывают учёными, а учёные никогда не становятся мудрыми людьми». В современных условиях, увы, приходится имитировать и учёность, и глубокомыслие.

Можно признать, что книга Семеновой относится к новому жанру. Помимо всего, она похожа на формальную отписку по соответствующему гранту. А по существу можно сказать, что для некоторых авторов (вольных или невольных наследни-

ков «научно-коммунистической» (схоластики) история давно превратилась в некое кладбищенское пространство, населенное «понятиями», «концептами», «категориями», вступающими друг с другом в странноватые внутривидовые интимные отношения. Похоже, дело пахнет доселе неизвестным «научным» извращением, что никак не смутит грантодателей, получивших убедительный отчет об успешно потраченных средствах.

Объем «монографии» Семеновой составляет 11,43 уч. изд. л. Текст был подготовлен на кафедре «Социология, политология и история Отечества» (любопытный набор «дисциплин»!) Самарского государственного технического университета. Когда историческая наука превращается в довесок к «социологии» (дисциплины, «не замечающей» прошлого) и «политологии» (имеющей статус науки далеко не во всех странах), то поневоле задумаешься, что появление работ уровня книги Семеновой – явление закономерное. И положение усугубляется в связи с «укрупнениями» вузов, в результате которых гуманитарные дисциплины превращаются в своеобразное «досуговое» (выражаясь языком Семеновой) развлечение для «технарей». И, конечно, ученый совет такого мегавуза не глядя приговорит подобный гуманитарный продукт к публикации.

Есть ещё одна тонкость. Текст Е. Ю. Семеновой в своё время был одобрен докторами исторических наук, профессорами О. С. Поршневой (Уральский федеральный университет) и Т. И. Трошиной (Северный Арктический федеральный университет) при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-

63004 а (р)). Будь я человеком мнительным, обязательно бы решил, что налицо сговор имитаторов от науки: не секрет, что у нас то и дело возникают неформальные объединения малоизвестных авторов, искусственно нагоняющие собственные рейтинги за счёт просчитанных ссылок друг на друга. В данном случае дело обстоит не так. Я, правда, не в восторге от последних работ Поршневой, но полтора десятилетия назад её тексты казались новаторскими. А Трошина не перестает демонстрировать эрудицию и многосторонность интересов. Похоже, обе они «помогли» Семеновой, не заглядывая в её текст. Именно к этому подталкивала и система рецензирования в РГНФ: одни авторы овладевают искусством сочинения заявок, эксперты или клюют на их уловки, или взаимно «проталкивают» своих. Сомнительно, чтобы в Российском фонде фундаментальных исследований положение кардинально изменилось. Трудно разобраться в ситуации, исходя из презумпции добросовестности: однажды в качестве эксперта я «помог» выходу в свет халтурного сборника, посвящённого памяти известного историка. Точно так же я мог поддержать (а может и поддержал – всего не упомнишь!) заявку Семеновой.

Вот так и действует механизм написания той самой «истории», которая вольно или невольно внедряется в массовое сознание нынешней научно-бюрократической системой. Разрушительный эффект ее куда больше, чем деятельность отдельных имитаторов научных исследований.

Ни для кого не секрет, что мыслительный аппарат современного молодого человека питается эфемерными образами, зыбкими химерами воображения, поверхностными ассоциациями и аллюзиями. Происходит неуклонная инфантилизация строя мысли современного человека, что парализует аналитические способности общества в целом. Работы, подобные рассмотрен-

ной выше, усугубляют пагубные тенденции, умертвляя подлинную – «живую» – историю.

Единственное, за что мне остается поблагодарить Семенову, так это за то, что она ни разу не упомянула моих работ. В противном случае пришлось бы считать себя невольным соучастником дурного процесса.

Список литературы:

1. Аксенов В. Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 163–200.
2. Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.
3. Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 431 с.
4. Венков А. В. Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 177–181.
5. Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 398–412.
6. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
7. Нелипович С. Г. Источники по истории немецких колонистов в России в годы Первой мировой войны (обзор документов Российского военно-исторического архива) // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С. 106–117.
8. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 422 с.
9. Тропов И. А. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. СПб.: Нестор, 1999. С. 85–95.
10. *Badcock S. Politics and the Peoples in Revolutionary Russia: A Provincial History.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 282 p.
11. *Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I* // *Russian Review.* 2001. V. 60. July. No. 3. P. 404–419.
12. *Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 284 p.

13. *Watson A.* Enduring the Great War. Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 288 p.

HISTORIOGRAPHICAL CONFUSION OF OUR DAYS. ABOUT E.YU. SEMENOVA'S BOOK "RUSSIAN CITY IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR (ON THE DOCUMENTS OF THE VOLGA REGION)." SAMARA: SAMARA STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2016.

V.P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History,
Moscow, Russia

In the article author using specific example reveals some of the characteristic weaknesses and shortcomings of modern Russian historiography. Among them are theoretical and methodological helplessness, historiographic and source-study non-professionalism. However, some authors try to imitate "scientific" abilities with the help of "modern" terminology. All this affected the approach to the "fashionable" theme – the history of everyday life during the First World War. It is also shown how in this case the simplest local plots are issued for some all-Russian tendencies, and everyday collisions – for some generalizations. In general, "provincial" history is sometimes set out without taking into account key all-Russian phenomena

Keywords: First World War, Russian Revolution, historiography, source study, the Volga region, urban population, history of everyday life.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская Академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19); почётный профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokchorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19); The Doctor of History, The Honorary Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

References

- Aksenov V. B., *Sluhi i strahi petrogradcev i moskvichej v 1917 g.*, Social'naya istoriya: Ezhegodnik, 2004, M., ROSSPEHN, 2005, S. 163–200.
- Aksenov V. B., *Vojna i vlast' v massovom soznanii krest'yan v 1914 – 1917 godah: arhetipy, sluhi, interpretacii*, Rossijskaya istoriya, 2012, № 4, S. 137–145.
- Belova I. B., *Vynuzhdennye migranty: bezhency i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Rossii. 1914–1925 gg.*, M., AIRO–XXI, 2014, 431 s.
- Venkov A. V., *Podvig Koz'my Kryuchkova: propaganda i fakty*, Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: ehkonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya, M., IRI RAN, 2014, S. 177–181.
- Zalevski M., *Nemeckoe obshchestvo i nachalo Pervoj mirovoj vojny*, Vojna i obshchestvo v XIX veke, v 3 kn., Kn. 1, Vojna i obshchestvo nakanune i v period Pervoj mirovoj vojny, M., 2008, S. 398–412.
- Kurcev A. N., *Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossii*, Voprosy istorii, 1999, № 8, C. 98–113.
- Nelipovich S. G., *Istochniki po istorii nemeckih kolonistov v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (obzor dokumentov Rossijskogo voenno-istoricheskogo arhiva)*, Rossijskie nemcy. Istoriografiya i istochnikovedenie, M., Gotika, 1997, S. 106–117.
- Surzhikova N. V., *Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.)*, M., ROSSPEHN, 2014, 422 s.
- Tropov I. A., *K voprosu o vospriyatii vlasti rossijskoj intelligenciej nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny*, Pervaya mirovaya vojna: istoriya i psihologiya, SPb., Nestor, 1999, S. 85–95.

Статья поступила в редакцию 20.05.2018 г.